

ПРИВЪВЛЕНІЯ КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ ЕНАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.)

АВГУСТА 15.

№ 16.

1884 ГОДА.

БРАТСКІЙ СОВѢТЪ МОЛОДЫМЪ ПРОПОВѢДНИКАМЪ.

Хотя въ Духовныхъ Семинаріяхъ и изучается теорія церковнаго краснорѣчія, хотя воспитанники и пріучаются къ проповѣдничеству даже практическимъ путемъ—пишутъ проповѣди и иногда произносятъ ихъ съ церковной кафедрѣ, что было и въ прежнее время; но все это мало приносило и приноситъ пользы. Воспитанники Семинаріи занимались составленіемъ проповѣдей изъ своей головы, не справляясь съ дѣйствительною жизнію народа; да и гдѣ же имъ справляться съ нею? Отъ того семинарскія проповѣди выходятъ большею частію кабинетною работою; съ кабинетными замѣтками воспитанники большею частію вступаютъ и въ пастырскую жизнь, и здѣсь только замѣчаютъ свою малоподготовленность къ дѣлу проповѣдничества. Это даетъ поводъ сказать для молодыхъ проповѣдниковъ нѣсколько словъ о постановкѣ церковно-народной проповѣди, съ искреннимъ желаніемъ принести имъ посильную пользу.

Начнемъ съ предмета проповѣди. О чемъ проповѣдывать пастырю, только еще вступившему въ приходъ и слѣдовательно незнакомому ни съ жизнію народа вообще, ни съ жизнію своихъ прихожанъ въ частности? Нѣтъ сомнѣнія, что предметомъ для православной проповѣди должно служить и служить Откровеніе. Предметъ этотъ—необязатное ни въ ширину, ни въ глубину море, изъ котораго проповѣдникъ, въ силу необходимости, принужденъ

черпать не болѣе, какъ по каплѣ. Откуда начать и съ коего берега приступить къ этому необъятному морю, чтобы зачерпнуть изъ его вмѣстилища одну капельку живой воды, чтобы напоить души слушателей? По нашему разумѣнію, молодому пастырю, пока онъ не ознакомился еще съ религіозно-правственнымъ состояніемъ своей паствы, лучше всего начать свою проповѣдническую дѣятельность съ выясненія общаго вѣро- и право-ученія христіанскаго, т. е. объяснять Символь Вѣры, Молитву Господню, Евангельскія блаженства и Десятословіе. Основаніемъ для этого, кромѣ выказаннаго, можетъ служить слѣдующее: основою всей жизни и дѣятельности христіанина должна быть живая, сознательная вѣра: безъ нея не можетъ быть правильной жизни ни внутренней, ни внѣшней. Всѣмъ извѣстна, истина, что каждый человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ на основаніи принциповъ своего міросозерцанія. Принципы, взгляды, понятія, убѣжденія всегда кладутъ свой отпечатокъ на внутреннюю и внѣшнюю жизнь человѣка. Рѣдко находится человѣкъ, который въ своей жизни шелъ бы наперекоръ своимъ понятіямъ и убѣжденіямъ; рѣдко находится и такой человѣкъ, который жилъ бы вовсе неосмысленною жизнію. Во всякомъ случаѣ такого рода феномены, если-бы они и встрѣчались въ жизни, слѣдуетъ признать уродливымъ исключеніемъ. Поэтому прежде, чѣмъ учить человѣка жить, нужно научить его вѣровать, нужно освѣтить его умственный кругозоръ свѣтомъ христіанскаго ученія, нужно, такъ сказать, заложить въ его душѣ и вывести на надлежащую высоту фундаментъ, на которомъ должна утверждаться и внутренняя и внѣшняя жизнь его. Между тѣмъ этотъ-то фундаментъ для утвержденія религіозно-правственной жизни въ нашемъ народѣ не только не выведенъ еще на надлежащую высоту, но въ большинствѣ случаевъ даже и не заложенъ. Всѣмъ извѣстно религіозное невѣжество нашего народа. Поэтому молодой проповѣдникъ поступить вполне естественно и практично, если прежде всего стаплетъ научать своихъ прихожанъ истинамъ вѣры и нравственности христіанской въ предѣлахъ

православнаго катихизиса; при этомъ онъ избѣгаетъ одного очень важнаго обстоятельства, могущаго вредно повліять на его послѣдующую жизнь и дѣятельность, именно—онъ избѣгаетъ случаевъ вступить въ позицію обличителя, къ чему, сказать къ слову, молодые проповѣдники имѣютъ особенную склонность и чего между тѣмъ прихожане не любятъ въ нихъ. Винить прихожанъ за это мы не будемъ, ибо по самому простому соображенію слѣдуетъ, что прежде чѣмъ благодушно выслушивать обличенія, обличаемымъ нужно знать обличителя. Поэтому проповѣднику-пастырю вступать въ роль обличителя слѣдуетъ по нашему не прежде, какъ онъ утвердитъ въ паствѣ своей пастырскій авторитетъ.

Катихизическія поученія можно, да и должно произносить не разъ и не два, а до тѣхъ поръ пока прихожане хотя мало что уразумѣютъ. При этомъ нечего опасаться наскучить слушателямъ; слушатели настолько не подготовлены къ отчетливому усвоенію проповѣдей, что каждый разъ въ одной и той-же проповѣди они увидятъ многое новое для себя; къ тому-же и въ храмѣ слушатели бываютъ не одни и тѣ же. Впрочемъ и люди много знающіе не прочтываютъ-ли иногда пять, десять разъ то, что знаютъ они, для напоминанія себѣ? Въ дѣлахъ вѣры не слѣдуетъ гоняться за новизною и интересностью; здѣсь на первомъ планѣ должна стоять религіозно-нравственная польза. Да наконецъ проповѣдникъ, изъ опасенія наскучить слушателямъ, можетъ концентрировать свое поученіе, прибавляя каждый разъ къ проповѣди то, о чемъ прежде не было сказано. Глубина и ширина христіанскаго вѣро-и право-ученія даетъ къ тому наибольшую возможность.

Когда пастырь ознакомится съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ своей паствы, тогда онъ самъ увидитъ, о чемъ говорить ему. Религіозно-нравственныя нужды нашего народа такъ многочисленны, а внутренняя и внѣшняя жизнь его настолько богата разнообразными нестроеніями, что проповѣднику неприведется въ своей головѣ отыскивать предметы

проповѣди; здѣсь сама жизнь даетъ ему сотни запросовъ, такъ что ему скорѣе предстоитъ опасность теряться въ этомъ лабиринтѣ предметовъ, чѣмъ рыться въ своей головѣ. При этомъ мы должны замѣтить, что въ выборѣ предметовъ для проповѣди проповѣдникъ долженъ быть тактиченъ и серьезенъ, но не долженъ быть мелоченъ; иначе проповѣдь его и сама по себѣ измельчаетъ, дойдетъ до значенія пустой болтовни и на слушателей произведетъ, конечно, неприятное впечатлѣніе. Есть такіе проповѣдники, какъ извѣстно намъ, которые говорятъ съ церковной кафедры о томъ, что въ Пасху не должно христосоваться старыми яицами, что отяготиться позднимъ служеніемъ литургіи—великій грѣхъ и т. п. Въ жизни нашего народа есть много пороковъ—посущественнѣе подобныхъ мелочей, а потому, чтобы не тратить труда и времени непроизводительно, проповѣднику вовсе и говорить о подобныхъ малыхъ вещахъ не слѣдуетъ.

Предметъ проповѣди долженъ быть серьезенъ и обоснованъ на христіанской истинѣ. Этому требуетъ самъ народъ; иначе проповѣдь онъ считаетъ батюшкиной наукой, которой мало придаетъ значенія. Вообще проповѣднику въ простонародной проповѣди никакъ не слѣдуетъ оставлять почву Откровенія и основывать свои проповѣди на человѣческихъ истинахъ; бесполезно и сопровождать свои положенія разными философскими умствованіями: это годится, быть можетъ, для слушателей интеллигентныхъ, но для простаго народа это покажется положительно пустой болтовней. Народъ нашъ еще не привыкъ философствовать; вся философія его заключается въ Слово Божіе, а потому и говорить для него проповѣднику слѣдуетъ преимущественно отъ Божественнаго писанія, раскрывая смыслъ содержащихся въ немъ истинъ и показывая отношеніе ихъ къ человѣческой внутренней и внѣшней, частной и общественной жизни.

Изложеніе проповѣдей для народа должно быть самое простое, безыскусственное. Гомилетическія тонкости, различныя логическіе ходы и подходы здѣсь вовсе неумѣстны. Про-

повѣдникъ долженъ ясно и прямо смотрѣть на предметъ, и прямо, безъ всякихъ подходовъ приступать къ дѣлу. Не ходя кругомъ да около, лучше всего сначала высказать общія положенія и затѣмъ раскрывать ихъ, не уклоняясь въ сторону и не забываясь въ частности; частностей слѣдуетъ касаться на столько, на сколько это необходимо для раскрытія общаго, такъ чтобы это общее ясно предносилось сознанію слушателей, а не затемнялось частностями. Пусть проповѣдь будетъ коротка, но это и лучше: небольшое удобнѣе усвоить, чѣмъ многое, и для слушателей будетъ не утомительно; длинными проповѣдями утомляются не только люди, не видашіе по словицѣ „и аза въ глаза“, но даже люди развитые.

Языкъ въ проповѣди долженъ быть до послѣдней степени простъ и удобопонятенъ: никакая фигуральность здѣсь неумѣстна; рѣчь должна быть краткая, ибо длинные періоды не укладываются въ головы простыхъ слушателей. Было бы лучше всего, если бы можно было говорить простыми предложениями. Технические слова и тѣмъ болѣе слова иностранныя не должны быть терпимы въ проповѣди. Нужно сознаться, что говорить къ народу весьма мудрено, потому что у него нѣтъ почти понятій, выходящихъ изъ круга обыденной жизни, и слѣдовательно формы, служація выраженіемъ для этихъ понятій, какъ бы онѣ по нашему сознанію ни были просты, ему большею частію мало понятны. Трудность говорить къ народу такъ велика, что простонародной проповѣди у насъ, собственно говоря, очень мало, не смотря на то, что въ печати ежегодно появляется проповѣдей, предназначенныхъ для народа, значительное количество. Даже общія положенія о народной проповѣди у насъ еще не разработаны, и каждый смотритъ на нихъ по своему. Общимъ можетъ быть развѣ только то положеніе, что простонародная проповѣдь должна быть проста; но простоту-то ея каждый измѣряетъ часто на свой собственный аршинъ, не справляясь съ народнымъ смысломъ и пониманіемъ и не принимая во вниманіе ту высоту положенія церковной проповѣди, сходитъ съ кото-

рой она, не профанируя себя, не можетъ. Въ престонародной проповѣди и нужно именно эту высоту ея сохранить, достоинство и важность ея соединить съ удобопонятностью, не нанося ущерба ни той, ни другой сторонѣ. Какъ слово о предметахъ высокихъ, божественныхъ, проповѣдь должна быть словомъ достойнымъ своего предмета; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ слово престонародное, одна должна быть словомъ понятнымъ для всякаго неразвитаго слушателя. Здѣсь именно нужно умѣнье говорить простыя рѣчи о мудреныхъ вещахъ. Но въ этомъ-то и состоитъ гордіевъ узелъ, это-то и составляетъ для проповѣдниковъ даже опытныхъ камень претыканія.

Иные проповѣдники, въ видахъ упрощенія народной проповѣди, нерѣдко поддѣлываются подъ народную рѣчь, употребляя ея обороты и даже вульгарныя выраженія и слова, или, смотря на слушателей, какъ на дѣтей, и относясь къ нимъ, какъ къ дѣтямъ, говорятъ свои проповѣди полудѣтскою рѣчью.. Ни то, ни другое по нашему не должно быть допускаемо. Поддѣлка, въ чемъ бы она ни состояла, вездѣ не хороша; тѣмъ болѣе не хороша она въ проповѣди, въ особенноти потому, что поддѣлка подъ народную рѣчь въ устахъ интеллигентнаго человѣка является большею частію только пародіей на нее. И проповѣдникъ, какъ бы ни старался поддѣлаться подъ народную рѣчь, не можетъ такъ искусно поддѣлаться, чтобы незамѣтно было поддѣлки. А потому ему слѣдуетъ вмѣсто того, чтобы поддѣлываться, изучивши народную рѣчь, усвоить ее себѣ такъ, чтобы она сдѣлалась его собственною рѣчью, очистить ее отъ неудобныхъ для проповѣди словъ и выраженій, возвысить и сдѣлать достойною церковнаго слова. Тоже нужно сказать и о полудѣтской рѣчи, ибо и эта рѣчь есть не что иное, какъ поддѣлка. Правда мы привыкли смотрѣть на народъ, какъ на дѣтей; но это не даетъ намъ права говорить съ нимъ подѣтски, потому что самъ народъ смотритъ на себя иначе, и относиться проповѣднику къ нему подѣтски значитъ ставить и себя, и его въ неестественное положеніе, потому что и въ самомъ дѣлѣ по

физическому возрасту онъ вовсе не ребенокъ и говорить уже не поребачьи. Въ виду важности церковной проповѣди непремѣнно слѣдуетъ быть серьезнымъ и въ словахъ, и въ выраженіяхъ.

Проповѣдникъ долженъ относиться къ слушателямъ, каковы бы они ни были, съ подобающимъ уваженіемъ, не смотрѣть на нихъ съ висока и не третировать ихъ, какъ неразумныхъ и мало смыслящихъ людей. Положеніемъ проповѣдника, какъ отца, бесѣдующаго съ дѣтьми, многіе положительно злоупотребляютъ. Вѣдь и отецъ въ смыслѣ физическомъ не относится къ взрослымъ дѣтямъ, каковы бы они ни были, такъ, какъ относится онъ къ малолѣтнимъ: свои отношенія къ тѣмъ и другимъ онъ старается видоизмѣнять соотвѣтственно ихъ возрасту. Пастырь лучше всего сдѣлаеть, если будетъ относиться къ слушателямъ, какъ учитель къ взрослымъ ученикамъ. Преподавая уроки христіанской вѣры и нравственности, пастырь не долженъ дѣлать даже и намека на малосмысленность своихъ слушателей; напротивъ онъ долженъ обращаться къ нимъ, какъ къ людямъ смыслящимъ и понимающимъ, и тѣмъ показывать, что онъ считаетъ ихъ не какими-то полулюдьми, обдѣленными отъ Бога человѣческимъ смысломъ, а людьми настоящими. Пастырь есть воспитатель народа; но можно ли называть воспитателемъ того, кто при преподаваніи уроковъ будетъ постоянно твердить своему воспитаннику: „ты, братецъ, глупъ и тушъ; ничего ты не знаешь и не понимаешь“? Вмѣсто того, чтобы развить ученика, не будетъ ли такой воспитатель только забивать его? Вмѣсто того, чтобы воспитывать, — уродовать? Народъ нашъ и безъ того въ большинствѣ убѣжденъ въ своемъ неразуміи настолько, что считаетъ себя неспособнымъ къ пониманію предметовъ вѣры; поэтому проповѣднику слѣдуетъ не утверждать его въ его ложномъ убѣжденіи, а разубѣждать. Для развитія въ народѣ самостоятельности мысли проповѣднику не мѣшаетъ чаще обращаться къ народному смыслу и самихъ слушателей призывать поразмыслить о томъ, что говоритъ онъ.

Въ особенности проповѣдникъ долженъ относиться съ уваженіемъ къ слушателямъ въ обличительной рѣчи. Въ виду разнородныхъ настроеній въ народной жизни ему, конечно, нерѣдко придется, даже противъ своего желанія, вступать въ роль обличителя, причемъ онъ долженъ имѣть змѣнную мудрость и голубиное незлобіе, соблюдать мѣру и границы: иначе одно неосторожное слово можетъ отшатнуть отъ него слушателей. А между тѣмъ есть проповѣдники, которые любятъ щеголять обличительнымъ словомъ и даже вставлять въ свою рѣчь „вострыя словечки“. Такъ и видно, что проповѣдникъ рисуется въ своей рѣчи и имѣетъ на умѣ одно: „Вотъ, молю, мы какъ вашу милость отщитываемъ“. Ничего не можетъ быть противнѣе подобной рѣчи; и проповѣдникъ самъ по себѣ противѣтъ слушателямъ,—въ особенности, если онъ къ тому еще накидываетъ на себя маску ревности о славу Божіей и вступаетъ въ ложный пафосъ; такъ и видно, что фарисейничаетъ человѣкъ. Если и вообще въ проповѣди должно проповѣднику менѣе всего руководиться эгоистическими мотивами, то въ особенности это нужно сказать о проповѣди обличительной. Эгоизмъ проповѣдника, подбитый ложною ревностью по истинѣ, непременно будетъ сквозить во всемъ его словѣ, какъ черныя нитки на бѣломъ фонѣ, и сообщать всей проповѣди его непріятную окраску. Вообще проповѣднику нужно остерегаться слишкомъ рѣзкихъ обличеній, выражаемыхъ въ слишкомъ рѣзкой формѣ и при этомъ приучать себя говорить не во имя эгоистическихъ мотивовъ, а во имя безкорыстной любви къ христіанской истинѣ и къ своимъ слушателямъ и во имя истинной ревности о славу Божіей. И кто приобрѣлъ эту любовь и говоритъ во имя этой любви, тотъ, обличая слушателей, самъ нерѣдко не можетъ удерживаться отъ слезъ. Вотъ это истинный—проповѣдникъ, слово котораго не останется безъ дѣйствія. Конечно, такихъ проповѣдниковъ найдется не особенно много; ибо пламенная любовь къ истинѣ и къ слушателямъ и истинная ревность о славу Божіей приобретаются не сразу и не даромъ; для этого проповѣ-

вѣднику необходимо слишкомъ много потрудиться надъ самимъ собою. И прежде, чѣмъ пріобрѣсти качества истиннаго проповѣдника, ему по необходимости приходится руководиться въ дѣлѣ проповѣди тѣмъ, что дала ему природа, наука и жизнь. Поэтому, не претендуя на пламенную любовь и ревность, каковая претензія, какъ основанная на фальши, непременно поставитъ проповѣдника въ фальшивое положеніе, онъ долженъ быть въ своей проповѣди по крайней мѣрѣ естественнымъ, т. е. не навидывая на себя то, чего у него нѣтъ являть въ проповѣди все то, что есть въ немъ добраго—убѣжденіе въ христіанской истинѣ, сочувствіе къ слушателямъ, желаніе имъ духовно-нравственной пользы и т. п., и высказывать это просто, безъ всякихъ эффектацій, спокойно, естественно, а при обличеніяхъ не выдѣлять и себя изъ числа обличаемыхъ, и даже прямо заявлять слушателямъ: „Самъ-то, моль, я хуже всѣхъ васъ, братія, и обличая васъ, обличаю самаго себя; не обличать-же не могу, „нужда-бо ми налезить, и горе мнѣ, аще не благовѣствую“.

При произношеніи проповѣдей немалое значеніе имѣютъ и манеры проповѣдника, не говоря уже о выразительной интонаціи голоса: поэтому молодому проповѣднику, прежде чѣмъ онъ ступитъ на церковную кафедру, не мѣшаетъ порепетировать себя дома; это не ради того, чтобы рисоваться предъ слушателями своею фигурою,—это желаніе недостойно проповѣдника,—а ради того, чтобы на кафедрѣ быть личнымъ, не являться въ глазахъ слушателей смѣшнымъ и вообще не возбуждать въ нихъ своимъ поведеніемъ какаго-либо нежелательнаго чувства. При выходѣ-же на кафедру никогда не слѣдуетъ забывать практическаго правила, именно: искренно отъ души помолиться предъ престоломъ Божиимъ словами Псалмопѣвца: „Господи, устнѣ мои отверзеша, и уста моя возвѣстятъ хвалу Твою“.

Въ заключеніе мы должны сознаться, что въ своей замѣткѣ не имѣли въ виду сказать что либо новое, что не было бы извѣстно опытнымъ проповѣдникамъ; при составле-

ни ея у насъ были двѣ цѣли: 1) быть сколько нибудь полезными молодымъ, только еще начинающимъ проповѣдникамъ, и 2) вызвать со стороны опытныхъ проповѣдниковъ обмѣнъ мыслей по предмету церковно-народнаго проповѣдничества, привлекему за послѣднее время общее на себя вниманіе и духовныхъ и свѣтскихъ лицъ.

(Руков. для сел. паст.)

О ЗАУЧИВАНИИ ПРОПОВѢДЕЙ, ПРИГОТОВЛЯЕМЫХЪ ДЛЯ ПРОИЗНЕСЕНІЯ.

Вопросъ о заучиваніи проповѣдей можетъ на первый взглядъ показаться мелочнымъ и даже страннымъ, напоминающимъ ту „зубристику“, которая теперь изгоняется даже изъ школъ для малолѣтнихъ дѣтей. Но если взглянуть на дѣло серьезнѣе, то онъ окажется вовсе не маловажнымъ. Когда проповѣдь уже написана, то этимъ дѣло не заканчивается, — ее нужно еще произнести. А если такъ, то открывается мѣсто для заучиванія или заучиванія ея. Конечно, это оказывается не необходимымъ, если ограничиваются чтеніемъ написанной проповѣди по тетради. Но устная рѣчь имѣетъ несравненно болѣе высокое значеніе, нежели чтеніе. Читаемая проповѣдь обыкновенно не имѣютъ той свѣжести и жизненности, которыми характеризуется устная рѣчь. Это въ особенности обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда проповѣдникъ старается скрыть предъ своими слушателями то, что онъ читаетъ именно по написанному. Въ такихъ случаяхъ лучше, конечно, уже прямо, безъ всякой маскировки, обращаться къ тетради, потому что стремленіе скрыть пользование тетрадью на каедрѣ лишаетъ проповѣдника необходимаго спокойствія и не позволяетъ ему сосредоточиться на самомъ чтеніи.

Не безъ основанія наше общество съ особымъ сочувствіемъ относится къ устнымъ проповѣдямъ. Устная проповѣдь освящена примѣромъ нашего Божественнаго Учителя; Его учениковъ и первенствующей Церкви. Лучшіе изъ нашихъ

проповѣдниковъ также отдають предпочтеніе проповѣди импровизаціонной, или по крайней мѣрѣ произносимой наизусть, предъ чтеніемъ по тетради. Если для обработки проповѣди необходимо письменное изложеніе ея, то на церковной кафедрѣ нѣтъ нужды являться съ бумагою, подобно тому какъ художникъ не считаетъ нужнымъ предъ зрителями выставлять вмѣстѣ съ картиною тѣ аппараты, при помощи которыхъ она написана. Безъ тетради проповѣдникъ становится въ болѣе близкое отношеніе къ слушателямъ. Когда проповѣдникъ читаетъ по тетради, то постоянно кажется, что онъ передаетъ своимъ слушателямъ какъ-бы слова другаго лица; между нимъ и слушателями въ листахъ бумаги является нѣчто чуждое, что скорѣе можетъ служить раздѣляющимъ средостѣніемъ, нежели связующими узами любви. Безспорно, наиболѣе живыми могутъ быть и наиболѣе сильное впечатлѣніе могутъ производить на слушателей проповѣди только импровизаціонныя. Но импровизація не для каждаго проповѣдника доступна. Поэтому для проповѣдниковъ, начинающихъ или не обладающихъ даромъ свободнаго слова, но имѣющихъ хорошую память, можно рекомендовать произносить проповѣди, заранѣе запоминаемыя или заучиваемыя, потому что такого рода проповѣди по своему характеру гораздо ближе стоятъ къ импровизаціоннымъ проповѣдямъ, нежели читаемыя по тетради. Осмысленное заучиваніе представляетъ проповѣднику возможность глубже проникнуться предметомъ своей проповѣди и дать ему то воодушевленіе и живость, которыя такъ обаятельно дѣйствуютъ на слушателей; потому что только тѣ истины могутъ вполне сообщаться другимъ, которыя исходятъ изъ глубины души лица, передающаго ихъ, которыя служатъ выраженіемъ мыслей и чувствъ, наполняющихъ его умъ, сердце и волю. Заучиваніе написанныхъ проповѣдей имѣетъ и ту выгоду, что при этомъ легче бываетъ замѣчать недостатки въ ней, а вмѣстѣ съ этимъ открывається болѣе возможности и къ ея усовершенствованію. Наконецъ, заучиваніе или запоминаніе можетъ служить прекрасною подготовкою и къ импровизаціонной рѣчи: при-

выкнувъ являться на церковной кафедрѣ безъ тетради, проповѣдникъ, постепенно переходя отъ изученія всей проповѣди къ заминанію лишь главныхъ мыслей ея и отъ подробнаго письменнаго изложенія проповѣди къ составленію лишь конспектовъ, легко можетъ приучить себя и къ импровизаціи, если онъ обладаетъ даромъ свободнаго слова.

«Къ заучиванію или заминанію проповѣдей должно приучать себя съ самаго начала своей проповѣднической дѣятельности. Начало большею частію имѣетъ рѣшающее значеніе для всей послѣдующей дѣятельности. Если мы сначала не рѣшаемся на это, то впоследствии это будетъ для насъ еще болѣе труднымъ. Начинаящій проповѣдникъ можетъ брать съ собою рукопись на кафедру и въ случаѣ необходимости обращаться къ ней, но не слѣдуетъ безъ особой нужды дѣлать это, потому что въ такомъ случаѣ онъ постоянно можетъ подвергаться соблазну воспользоваться находящеюся предъ нимъ тетрадью и ему гораздо болѣе времени потребуется для того, чтобы приучить себя вполне отрѣшиться отъ нея. Гораздо лучше немедленно же, какъ только проповѣдникъ освоится съ своимъ новымъ положеніемъ на кафедрѣ, совсѣмъ устранить съ нея рукописи проповѣдей. Впрочемъ если съ надлежащимъ вниманіемъ готовится проповѣдь, то не понадобится много труда и на заминаніе ея. Приготовленіе здѣсь имѣетъ весьма важное значеніе: если оно дѣлается небрежно, наскооро, неохотно, то и заминаніе проповѣди является дѣломъ труднымъ, она не запечатлѣвается въ нашей памяти. Но если съ должнымъ вниманіемъ, усердіемъ и любовію занимаются раскрытіемъ избраннаго текста и темы, если Слово Божіе чрезъ постоянное поученіе въ немъ дѣлается полнымъ достояніемъ нашего ума и сердца, какъ это должно быть при каждой проповѣди, то и заминаніе ея становится легкимъ и приятнымъ. Хорошо приготовленная проповѣдь бываетъ уже на половину запечатлѣнною въ памяти, и если мы надлежащимъ образомъ приготовили проповѣдь, то можемъ тотчасъ же, если окажется нужнымъ, вступить на кафедру и проповѣ

вѣдывать; но, чтобы твердо стоять на кафедрѣ и проповѣдывать съ надлежащимъ спокойствіемъ и радостію, для этого нужно вполнѣ усвоить проповѣдь,—это не бесполезно даже и для наиболѣе опытныхъ проповѣдниковъ. Но какъ удобнѣе и полезнѣе дѣлать это?

Большую частію каждый проповѣдникъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи своему методу, который кажется ему наиболѣе удобнымъ. Но можно указать и такой способъ, который можетъ быть съ пользою употребляемъ каждымъ проповѣдникомъ. Повидимому проще и удобнѣе всего заучивать всю проповѣдь постепенно, слово за словомъ, предложеніе за предложеніемъ. Но хотя и этотъ способъ можетъ достигать цѣли, однако его нельзя одобрить уже потому, что это чисто-механическій путь, а не естественный, и что эта механичность обыкновенно обнаруживается и при самомъ произношеніи. Запоминаніе должно быть только повтореніемъ, и именно осмысленныхъ повтореніемъ всего того хода мыслей, которому мы слѣдовали при приготовленіи проповѣди. Конечно проповѣдь образуется въ нашихъ мысляхъ постепенно, но не такъ, чтобы мы присоединяли одно слово къ другому, одну мысль къ другой, а такимъ образомъ, что мы заимствуемъ главную истину изъ текста, образуемъ тему и развиваемъ ее въ частности. Такимъ образомъ нужно поступать и при запоминаніи проповѣди, если мы хотимъ идти естественнымъ путемъ: нужно нѣсколько разъ повторить по всѣмъ его ступенямъ тотъ путь, которому мы слѣдовали при составленіи проповѣди, чтобы вполнѣ усвоить его. Сначала достаточно общаго, бѣзглаго обзора, чтобы усвоить лишь главный предметъ и планъ проповѣди и чтобы впослѣдствіи не потерять изъ вида главной нити проповѣди. Вторая ступень должна состоять въ болѣе внимательномъ изученіи каждой изъ частей проповѣди въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. Третья ступень имѣетъ болѣе механическій характеръ и состоитъ въ изученіи всѣхъ частей проповѣди, причемъ для начинающихъ проповѣдниковъ не излишне иногда бываетъ обращать вниманіе и на то, въ

какомъ мѣстѣ рукописи находятся наиболѣе трудныя для усвоенія и главныя части проповѣди, чтобы на каѳедрѣ безъ особаго затрудненія находить ихъ въ рукописи, если это окажется необходимымъ. Но при этой работѣ нужно заботиться о томъ, чтобы она не была чисто механическою, безжизненною, сухою: она должна служить къ большому углубленію въ предметъ проповѣди и къ болѣе прочному напечатлѣнію его въ нашей душѣ. При запоминаніи проповѣди должна дѣйствовать не память только, но также умъ, воля и сердце. Только при соблюденіи этого условія проповѣдникъ можетъ избѣгать той механичности, холодности и безжизненности, которыя перѣдко замѣчаются при произнесеніи на память.

Въ заключеніе мы признаемъ нелишнимъ привести сужденіе великаго знатока краснорѣчія Квинтилиана о заучиваніи рѣчей, предназначаемыхъ для публичнаго произнесенія. Онъ признаетъ необходимымъ являться предъ публикою съ рѣчью безъ тетради. Но нужно ли буквально заучивать всю рѣчь, или же достаточно ограничиться запоминаніемъ лишь самаго хода мыслей въ ней,—относительно этого онъ считаетъ невозможнымъ представить общее рѣшеніе, потому что оно обусловливается индивидуальными свойствами дарованій оратора. Если ораторъ обладаетъ хорошею памятью и имѣетъ достаточно времени, то желательно, чтобы онъ запоминалъ всю рѣчь, не опуская ни одного слова изъ написаннаго. Но у кого память слаба и мало времени для приготовленія, тому бесполезно было бы припоминать каждое слово написанной рѣчи, потому что достаточно въ такомъ случаѣ забыть одно слово, чтобы произошелъ непріятный для слушателей перерывъ или остановка. Гораздо безопаснѣе, запомнивъ только мысли рѣчи, предоставить себѣ свободу изложенія ихъ при самомъ произнесеніи. Но этотъ способъ можетъ быть полезнымъ лишь для тѣхъ, которые уже приобрѣли навыкъ въ импровизаціонной рѣчи (Institut. Orat. XI, 2).

Н. Д.

(Рук. для сел. паст. № 20.)

РАЗНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

О новомъ уставѣ духовныхъ академій.

Вышедшимъ изъ печати и недавно опубликованнымъ новымъ академическимъ уставомъ произведены большія и коренныя измѣненія противъ устава 1869 года. Болѣе выдающіяся и характерныя особенности новаго устава касаются наукъ, преподаваемыхъ въ академіи, учебнаго академическаго курса и порядка полученія ученыхъ степеней. Существовавшія доселѣ три отдѣленія—богословское, церковно-историческое и церковно-практическое, съ соответствующимъ кругомъ наукъ для каждаго, отмѣнены. Всѣ богословскія и философскія науки сдѣланы обще-обязательными для всѣхъ студентовъ. Изъ всѣхъ прочихъ предметовъ академическаго курса образованы двѣ параллельныя группы, которыя предоставляются выбору студентовъ. Къ первой группѣ отнесены: теорія словесности и исторія иностранныхъ литературъ, русскій и церковно-славянскій языки (съ палеографіей) и исторія русской литературы, еврейскій языкъ и библейская археологія. Вторую группу составляютъ: исторія и разборъ западныхъ вѣроисповѣданій (наука, замѣняющая собою сравнительное богословіе и исторію западныхъ церквей), исторія и обличеніе русскаго раскола, общая гражданская исторія и русская гражданская исторія. Кромѣ того, студенты каждой группы изучаютъ одинъ изъ древнихъ и одинъ изъ новыхъ языковъ, и для студентовъ всѣхъ курсовъ сдѣлано обязательнымъ составленіе проповѣдей. Въ Казанской же академіи къ общему курсу академическихъ наукъ, согласно первоначальной цѣли ея учрежденія, учреждена группа предметовъ миссіонерскихъ, съ отдѣлами татарскимъ и монгольскимъ, при чемъ студенты этой академіи, избравшіе какой-либо изъ названныхъ отдѣловъ, освобождаются отъ изученія наукъ, входящихъ въ составъ вышепоименованныхъ двухъ группъ, за исключеніемъ одного изъ древнихъ и одного изъ новыхъ языковъ. Четвертый курсъ, въ который пере-

водились только студенты, удостоенные степени кандидата, и гдѣ они избирали для изученія лишь нѣкоторые предметы съ тѣмъ, чтобы держать по нимъ магистрантскій экзамень и быть преподавателями въ семинаріи, включенъ въ общій академическій курсъ. Степень кандидата и званіе дѣйствительнаго студента получаютъ по окончаніи полнаго четырехлѣтняго курса и сочиненія кандидатскія пишутся всѣми студентами на четвертомъ курсѣ. Нѣкоторыя изъ кандидатскихъ сочиненій признаются удовлетворительными для степени магистра. Окончившіе же курсъ удостоиваются этой степени не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его (волоквіумъ) въ присутствіи совѣта и приглашенныхъ совѣтомъ стороннихъ лицъ, каковымъ правиломъ, практиковавшаяся по уставу 1869 года, публичная защита магистерскаго сочиненія отмѣняется. Отмѣняется защита и для докторскихъ сочиненій, при чемъ не полагается даже волоквіума. Степень доктора получается по представленіи напечатанной диссертациі или сочиненія, хотя бы и написаннаго не съ цѣлію полученія ученой степени. На степень доктора возводятся также и пріобрѣвшія извѣстность своими учеными трудами. Степень доктора дѣлится на три категоріи: доктора богословія, церковной исторіи и церковнаго права; соотвѣтственно отличительному характеру ученыхъ трудовъ или представленной диссертациі.

Важную особенность новаго академическаго устава составляетъ еще то, что семинаріи поставляются имъ въ ближайшую зависимость отъ академій. Всѣ семинаріи въ виду этого дѣлятся на четыре округа, изъ которыхъ каждый подчиняется той или другой академіи. Наша Вологодская семинарія причислена къ Московскому округу и подчинена Московской академіи. Профессора академіи въ случаѣ надобности будутъ производить ревизію по семинаріямъ.

Новое средство противъ дифтерита

изобрѣтено недавно норвежскимъ врачомъ докторомъ Дельтилемъ и, по сообщенію, сдѣланному академіею наукъ, состоитъ въ слѣдующемъ: „Извѣстно, что дифтеритъ образуетъ выпоть называемый ложной пленкой. которая часто покрываетъ пузырьками даже легкія. Докторъ Дельтиль замѣтилъ, что эти нарывчики исчезаютъ очень скоро вслѣдствіе прикосновенія къ нимъ испареній дегтя или терпентинной эссенціи и, основываясь на этомъ наблюденіи, излѣчилъ уже нѣсколько дѣтей, заболѣвшихъ дифтеритомъ, не исключая таковыхъ, отъ которыхъ отказались уже другіе доктора. Даже послѣ разсѣченія дыхательнаго горла заболѣвшаго, зажигаютъ въ его комнатѣ смѣсь смолы и терпентина, комната мгновенно наполняется клубами чернаго, густаго дыму, до того затемняя воздухъ, что находящіеся въ той комнатѣ едва могутъ видѣть другъ друга, хотя и не испытываютъ отъ того удушья и безпокойства. Дитя усиленно и съ удовольствіемъ вдыхаетъ смолистый воздухъ, живительную силу котораго оно чувствуетъ. Докторъ Дельтиль въ то время мажетъ горло больного дитяти растворомъ каменно-угольной смолы въ известковой водѣ. Въ 2—4 дня дитя совершенно выздоравливаетъ. Эти окуриванія служатъ не только лекарствомъ для больного, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дезинфекціоннымъ средствомъ“. Если успѣхъ этого средства дѣйствительно такъ вѣренъ, какъ описываетъ академическое изданіе, то человѣчество должно причислить доктора Дельтиля къ небольшому количеству своихъ величайшихъ благодѣтелей.

Еще о вредѣ куренія табаку (.)

О вредѣ вслѣдствіе злоупотребленія табакомъ у насъ говорилось много, но всѣ предостереженія, всѣ совѣты въ этомъ родѣ не производили на рьяныхъ курильщиковъ должнаго дѣйствія,

(*) См. объ этомъ же въ № 5 Волос. Евраз. Вѣдом. сего года.

оставались гласомъ вопіющаго въ пустынь. Во Франціи на данный вопросъ обращено особое вниманіе. Въ Парижѣ возникло общество противъ злоупотребленія табакомъ. Пова дѣятельность его заключается въ изслѣдованіи и обнаруженіи вредныхъ послѣдствій неумѣреннаго куренія. Труды общества дали такой результатъ:

Табакъ, смотря по сорту или качеству, содержитъ отъ 2, 30 до 8% никотина. Никотинъ же представляетъ собою одинъ изъ жесточайшихъ ядовъ, какой когда-либо былъ извѣстенъ. Капля никотина, пущенная въ глазъ животнаго, мгновенно убиваетъ его. Никотинъ по припадкамъ отравленія и по своему дѣйствию представляетъ много сходства съ синильной кислотой. Къ нашему счастью, табакъ въ листьяхъ при обработкѣ для употребленія подвергается нѣкоторому броженію, которое разлагаетъ значительную часть никотина. Но вредное дѣйствіе табачнаго дыма зависитъ не отъ одного только никотина, но и отъ окиси углерода—существенная составная часть угарнаго газа. Заявлено много фактовъ заболѣванія и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ смерти людей, дышавшихъ болѣе или менѣе продолжительное время въ атмосферѣ, пресыщенной табачнымъ дымомъ.

Общество обратило вниманіе на отравленіе табакомъ, повторяющееся у контрабандистовъ на границѣ Испаніи. Они проносятъ табакъ черезъ таможеню, обвертывая листьями его свое тѣло.

Злоупотребляющіе куреніемъ подвержены многимъ болѣзнямъ губъ, рта, зѣва, глотки и легкихъ, развивающимся отъ непосредственнаго вліянія табачнаго дыма на ткани этихъ органовъ.

Токсическія начала табаку проникаютъ въ организмъ главнымъ образомъ черезъ дыхательные пути. Стѣнки пищеварительнаго аппарата также всасываютъ никотинъ, который поступаетъ въ желудокъ раствореннымъ въ слюнь.

При очень умѣренномъ куреніи табакъ, по видимому, усиливаетъ дѣятельность пищеварительныхъ органовъ, но то-

лько у очень немногихъ.

Въ большинствѣ же случаевъ и при неумѣренномъ куреніи всѣ отправления желудка обыкновенно страдаютъ. Излишне упоминать о томъ, какія страданія испытываютъ тѣ, кто въ первый разъ курить въ видѣ пробы или опыта. Тою же характерной болѣзью страдаютъ работницы и работники, начинающіе заниматься на табачныхъ фабрикахъ.

У закоренѣлыхъ курильщиковъ съ теченіемъ времени обнаруживаются болѣе серьезныя и упорныя болѣзни. Табакъ вредно дѣйствуетъ на желудокъ,—при неумѣренномъ куреніи постепенно утрачивается аппетитъ и мало-по-малу упрочивается трудное пищевареніе, которое служитъ единственною причиною развитія малокровія со всѣми его печальными послѣдствіями. Не менѣе сильно поражаетъ табакъ и органы дыханія. Онъ дѣйствуетъ на блуждающій нервъ какъ настоящій ядъ и поражаетъ въ одно время легкія, сердце и желудокъ. Прежде всего страдаютъ тонкія нервныя нити, рассыпающіеся въ поверхностной ткани легкиихъ, именно выстилающей бронхи и мельчайшія ихъ развѣтвленія; отсюда возникаетъ цѣлый рядъ припадковъ, начиная съ кашля и кончая табачной астмою. Табакъ также вредно вліяетъ на сердце и причиняетъ кромѣ пальпитаций и содраганій въ немъ еще перерывы въ пульсѣ, причиняетъ одышку съ кашлемъ и нерѣдко затрудненное дыханіе, очень мучительно соединенное съ тоскливымъ чувствомъ въ груди. Эти припадки чаще приходилось наблюдать по вечерамъ послѣ тѣхъ дней, когда особенно сильно курили. При воздержаніи отъ куренія всѣ тревожные припадки исчезали сами собою.

Разстройства въ кровообращеніи, обусловливаемые табакомъ, часто бываютъ очень глубоки и опасны. Кромѣ того замѣчено, что иногда ощущается острая боль при давленіи въ третьемъ междуреберномъ пространствѣ съ лѣвой стороны вблизи грудной кости у курильщиковъ, достигшихъ сорокалѣтняго возраста и болѣе. Боль эта, ограничивающаяся малымъ пространствомъ, зависитъ, отъ пропитанія табакомъ

нервного узла. При воздержаніи отъ куренія боли эти болѣею частью исчезаютъ сами собою безъ всякаго лѣченія.

Вредное дѣйствіе табаку отражается на всей нервной системѣ многими припадками, между прочимъ, общимъ трясеніемъ. Наклонность въ головнымъ болямъ, головокруженіямъ—явленія очень частыя у злоупотребляющихъ куреніемъ. Ослабленіе зрѣнія бываетъ почти у всѣхъ, кто долго и много куритъ. Нѣкоторые врачи замѣтили у закоренѣлыхъ курильщиковъ нѣкоторую неувѣренность въ походкѣ, другіе—развитіе эпилепсін и наконецъ даже бѣлой горячки отъ пропитанія ткани головного мозга никотиномъ. Когда при такихъ припадкахъ курильщики упорствуютъ въ своихъ привычкахъ, то наступаетъ ослабленіе интеллектуальныхъ способностей, человѣкъ становится глухимъ и курильщику грозитъ параличъ сумасшедшихъ. Къ счастью, важныя мозговыя расстройства, обусловливаемые табакомъ, рѣдки, но гораздо чаще табакъ вредно вліяетъ на память и зрѣніе, именно онъ ослабляетъ ту и другое.

Иногда вредное дѣйствіе табаку долго остается скрытымъ, но тѣмъ не менѣе болѣзнь во весь этотъ срокъ не теряетъ времени и формируется, что конечно ускользаетъ отъ вниманія курильщика и заставляетъ утверждать, что куреніе не производитъ на нихъ никакого вреднаго дѣйствія. Въ періодъ этой кажущейся безвредности развивается въ организмъ особенное патологическое состояніе, выражающееся особеннымъ цвѣтомъ лица.

Всѣмъ извѣстно, какъ прокуриваются пѣнковыя трубки и какую окраску получаютъ онѣ. Точно также окрашиваются черепа людей, бывшихъ при жизни отчаянными курильщиками. Кости этихъ череповъ были темны, какъ пѣнковыя трубки при началѣ прокуриванія.

Все сказанное справедливо, когда злоупотребляютъ табакомъ. Но дѣло въ томъ, что употребляющіе умеренно табакъ оканчиваютъ злоупотребленіемъ его.

И такъ кто убоится премудрости, тотъ обратится вспять.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Съ 1-го Сентября текущаго 1884 года съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода и Министерства Внутреннихъ дѣлъ, будетъ издаваться еженедѣльный духовный журналъ

„ПАСТЫРСКІЙ СОБЕСѢДНИКЪ.“

Программа журнала:

- 1) Слова, бесѣды и поученія на воскресные и праздничные дни. Слова, бесѣды и поученія могутъ быть печатаемы и въ видѣ отдѣльныхъ приложений къ журналу, чтобы по истеченіи года изъ нихъ составлялись отдѣльные сборники проповѣдей.
- 2) Статьи о вѣрѣ и нравственности христіанской, о событіяхъ библейской и церковной исторіи, преимущественно русской церкви, о богослуженіи, законоположеніяхъ и постановленіяхъ православной церкви, о проповѣдничествѣ, изъясненія нѣкоторыхъ мѣстъ священнаго писанія и вообще статьи о предметахъ, относящихся къ кругу духовнаго просвѣщенія. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться преимущественно статьи, пригодныя для чтенія при внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ съ народомъ.
- 3) Историческіе очерки раскола и сектантства, замѣтки и краткія сообщенія по сему предмету.
- 4) Постановленія и распоряженія по духовному вѣдомству—какъ общія, такъ и мѣстныя, имѣющія руководственное значеніе для духовенства.
- 5) Церковное обозрѣніе. Лѣтопись текущихъ событій современной церковно-общественной жизни. Разныя извѣстія.
- 6) Очерки и характеристики изъ быта духовенства и религіозно-нравственной жизни народа, наблюденія и замѣтки касательно народныхъ вѣрованій, обычаевъ и т. п.
- 7) Корреспонденціи.
- 8) Критика и библиографія. Обзоръ текущей литературы—духовной и свѣтской въ ея отношеніи къ церкви, духовенству и религіозно-нравственной жизни народа.
- 9) Объявленія.

Особенность нашего журнала будетъ заключаться въ

томъ, что при выполнении широкой и разнообразной его программы мы будемъ имѣть въ виду прежде всего задачи и потребности пастырскаго служенія. Изъ самой программы журнала можно уже видѣть, что онъ будетъ имѣть практическое направленіе, что въ немъ найдутъ мѣсто только статьи, замѣтки, извѣстія, представляющія въ томъ или другомъ отношеніи живой интересъ для духовенства. Страницы нашего изданія открыты для всякаго рода сообщеній изъ области церковно-пастырской дѣятельности, чтобы такимъ образомъ „Пастырскій Собесѣдникъ“ могъ служить между прочимъ и органомъ пастырскаго общенія. Изъ другихъ поврежденных изданій—газетъ и журналовъ мы также будемъ заботливо отмѣчать все, имѣющее какую либо важность или интересъ съ церковно-пастырской точки зрѣнія. Позволяемъ себѣ надѣяться, что „Пастырскій Собесѣдникъ“ найдетъ нравственную поддержку среди духовенства и будетъ встрѣченъ съ такимъ же вниманіемъ и сочувствіемъ, какъ и другія наши изданія, посвященные также пастырству.

„Пастырскій Собесѣдникъ“ будетъ выходить одинъ разъ въ недѣлю, въ размѣрѣ до двухъ печатныхъ листовъ большаго формата. Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой (съ 1-го Сентября 1884 г. по 1-е Сентября 1885 г.) за годъ — пять рублей. За полгода (по 1-е Марта 1885 года) три рубля. Требованія адресовать: въ г. Воронежъ, редактору-издателю журнала „Пастырскій Собесѣдникъ“ Василию Абрамовичу Маврицькому.

Содержаніе Августовской книги историческаго журнала „Русская Старина“.

Содержаніе: I. Патріархъ Никонъ по вновь открытымъ матеріаламъ, 1658 г.—II. Новый Иерусалимъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ.—III. Записки Густава фонъ-Штрэндмана, 1779—1780 г.—IV Записки Д. И. Ростиславова, проф. Спб. духовной акад.: о бѣломъ духовествѣ.—V. А. С. Пушкинъ: его руко-

писи въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ.—VI. Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепискѣ императора Николая I.—VII. Польское возстаніе въ 1830—1831 гг. Разсказъ Мохнацкаго.—VIII. Русскіе на Босфорѣ въ 1833 г.—IX. Александровская волонна въ С.-Петербургѣ 30 августа 1834—1884 гг.—X. Императоръ Николай I на Кавказѣ въ 1837 г.—XI. Русскій губернаторъ въ Польшѣ. Изъ записокъ отставнаго губернатора, 1866—1868 гг.—XII. Воспоминаніе о походѣ 1877—1878 гг. Очерки В. О.—XIII А. Е. Викторовъ, † 1883 г.—XIV. Гр. Э. Ив. Тотлебенъ.—XV. Памятникъ на могилѣ Артемія Волинскаго, Еропкина, Хрущова.—XVI. Библиографическій листокъ. Приложение: Портретъ группа: лордъ Рогланъ, маршалъ Пелисье и Омеръ-папа подъ Севастополемъ въ 1855 г. Гравюра портрета, исполненнаго съ натуры и присланнаго вождями союзной арміи кн. М. Д. Горчакову въ Севастополь въ маѣ 1855 г. „Русская Старина“ изд. 1884 г. разошлась по подпискѣ вся сполна, до послѣдняго экземпляра. Вышло второе изданіе первыхъ шести книгъ „Русской Старины“ 1884 г. съ гравюрами и портретомъ А. С. Пушкина, отпечатаннымъ красками. Цѣна за 12 книгъ девять руб. съ пересылкою. Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „Русской Старины“, въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая домъ № 7.

ФАБРИКА ЦЕРКОВНЫХЪ ВЕЩЕЙ Константина Владиміровича **ДЕМИДОВА** (основанная имъ въ 1869 году) (бывшее Товарищество П. М. КРЮЧКОВЪ и К. В. ДЕМИДОВЪ) въ Москвѣ, *уездъ Болотной площади и Кокоревскаго бульвара, домъ № 5-й.*

Исполняетъ по заказамъ всевозможные предметы нужные для Православныхъ храмовъ:

Серебряные 84 пробы вызолоченные Кресты, Евангелія, Сосуды и Ризы на иконы.

Бронзовые вызолоченныя и высеребреныя Паникадила, Подсвѣчники, Лампады и Хоругви.

Парчевыя Священно-Церковныя облаченія.

Вышитыя золотомъ Хоругви и Плащаницы.

Иконы лучшей живописи.

Содержаніе:

- 1) Братскій совѣтъ молодымъ проповѣдникамъ.—2) О заучиваніи проповѣдей, приготовляемыхъ для произнесения.—3) Разныя свѣдѣнія. а) О новомъ уставѣ духовныхъ академій. б) Новое средство противъ дифтерита. в) Еще о вредѣ куренія табаку.—4) Объявленія.

Редакторъ **Н. Суворовъ.**

ФАБРИКА ЦЕРКОВНЫХЪ ВѢЩЕЙ КОНСТАТИНА ВЛАДИМИРОВИЧА ДЕМЬНДОВА (основанная имъ въ 1869 году) (бывшее Товарищество П. М. КРЮКОВА и К. В. ДЕМЬНДОВА) въ Москвѣ, улож. Волонной владѣи и Корпусаго бумажнаго завода № 2-й.

Исполняется по заказамъ всевозможные предметы и для производства хромол:

Дозволено цензурою. Августа 14 дня, 1884 года. Вологда

Въ типографіи Губернскаго Правленія.